

«Прочь, горемычный! Отецъ твой въ пиру не участвуетъ съ нами!»
 Къ матери, плача, вернется дитя, ко вдовѣ одинокой,
 Астіанаксъ, кто досель на колѣняхъ отца дорогаго 500.

Мозгомъ однимъ лишь питался и сладостнымъ жиромъ овечьимъ.
 Если-же сонъ нисходилъ, и отъ дѣтскихъ онъ игръ утомлялся,
 То засыпалъ на постели, въ объятяхъ кормилицы нѣжной,
 Лежа на мягкой подстилкѣ и сердцемъ вкушая отраду.
 Нынѣ натерпится горя, лишенный отца дорогаго, 505.

Астіанаксъ, кто слыветъ у Троянцевъ подъ этимъ прозваньемъ,
 Ибо одинъ ты у нихъ защищалъ и ворота и стѣны.
 Вскорѣ тебя самого близъ судовъ, отъ родимыхъ далеко,
 Быстрые черви съѣдятъ, когда псы ужъ насытятся тѣломъ
 Голымъ твоимъ, хотя много лежатъ въ твоемъ царскомъ чертогѣ 510.

Тонкихъ, красивыхъ одеждъ, — онѣ женскими сшиты руками.
 Только я всѣ ихъ сожгу, на горящемъ кострѣ уничтожу.
 Пользы отъ нихъ тебѣ нѣтъ, и лежать ты въ нихъ больше не будешь,
 Пусть-же тебѣ хоть во славу сгорятъ средь Троянъ и Троянокъ!»

Такъ говорила, рыдая, и жены кругомъ воздыхали. 515.